

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

A.A. Kibrik. Reference in Discourse. Oxford: Oxford university press, 2011. 651 с.

Референциальные механизмы языка являются одним из немногих абсолютно универсальных элементов человеческого языка – такими же как, например, сегментная фонетика или синтаксис. Связано это, очевидно, с тем, что основной функцией языка является описание ситуаций и участвующих в этих ситуациях объектов реального мира. Такая постановка вопроса, вообще говоря, ставит референцию вне сферы интересов, например, структурализма. До конца XX века работы отечественных лингвистов, относящиеся к теории референции, за редкими исключениями лежали в русле логического анализа языка – единственной в то время распространенной альтернативы структурализму [Арутюнова 1982; Падучева 1985] – и не имели выхода в междисциплинарное измерение. Рецензируемая книга находится в ином поле лингвистического анализа – с самых первых страниц автор акцентирует внимание на том, что речь идет о когнитивном анализе языковых механизмов референции в дискурсе; автор подчеркивает, что, по его мнению, грамматика в целом возникла для обслуживания целей организации дискурса (например, с. 76).

Два этих измерения книги – анализ референции в дискурсе, с одной стороны, и попытка моделирования отвечающих за референцию когнитивных процессов, с другой, – очевидно, тесно связаны друг с другом. Смещение фокуса внимания от высказывания к тексту очевидно и в работах других российских исследователей референции, например Е.В. Падучевой. Тем не менее подход А.А. Кибрика существенно отличается ориентацией на дискурс как на реальное речевое взаимодействие, а не на текст как языковой «артефакт» (хотя и анализ художественного текста в книге учитывается, например в главах 11 и 12 для русского и английского языков соответственно). Кажется достаточно ясным, что переход от анализа референции в

предложении к тексту и особенно к дискурсу тесно связан с рассмотрением языкового взаимодействия в более широком контексте исследования межличностного взаимодействия и человеческого поведения вообще. Локальные, действующие внутри предложения механизмы поддержания референции – рефлексивизация, релятивизация, логофоричность – высоко грамматичны в традиционном смысле этого слова и часто описываются в грамматиках. Их можно рассматривать вне моделирования языкового взаимодействия (конечно, функциональный подход к лингвистическому анализу и для описания локальных механизмов апеллирует к внеязыковым факторам). Поэтому, например, современная генеративная парадигма, с ее акцентом на анафорические отношения, парадоксальным образом вообще никак не связана с той перспективой исследования референциальных механизмов, которая принимается в книге, и даже является в определенной степени ее антитезой. В генеративной парадигме референциальные механизмы рассматриваются в первую очередь локально и вне речевого контекста, важна не референция как соотносительность элементов высказывания с элементами (представления о) действительности, а кореферентность как соотносительность элементов высказывания между собой. Здесь генеративная грамматика, с ее фокусом на *competence*, а не *performance*, является очевидным продолжением структуралистской традиции. При подходе, принятом в рецензируемой книге, механизмы установления отношений локальной кореференции являются частным и не обязательно центральным случаем референциальных механизмов. Последние отвечают за поддержание кореферентных отношений в широком смысле в дискурсе (тексте) и в целом за соотношение референциальных выражений с действительностью. Более того, такие механизмы могут

быть соотнесены с незвуковыми средствами поддержания референции – указательными жестами, обсуждаемыми в заключительной, пятнадцатой главе. Корпусному подходу и тому, что сам автор называет многофакторным когнитивным подходом к анализу референции в дискурсе, посвящена четвертая часть книги (главы с 10 по 14).

Третья составляющая подхода относительно независима от первых двух – автор пытается понять суть референции через анализ языкового разнообразия референциальных механизмов, а не только через анализ данных конкретных отдельных языков. При этом целью оказывается классификация не просто языковых средств, а в целом языковых типов (ср. классификацию языков на агглютинирующие и кумулирующие или изолирующие и синтетические) – классификация референциальных профилей языков мира. Если, как только что было сказано, к дискурсивному анализу референции автора обязывает само понимание объекта исследования, то использование типологического метода в каком-то смысле является выбором автора; те же представления о референции могут исповедовать и работы по конкретным языкам. Тем не менее, выбор этот осуществляется вполне последовательно и особенно широко представлен во второй и третьей части исследования.

Как нам кажется, совмещение типологической и когнитивной или корпусной перспектив не может быть вполне последовательным – по большинству упоминаемых в книге языков просто нет ни экспериментальных данных, ни корпусов сколько-нибудь значительного объема. Автор считает, что это вопрос времени. Нам представляется, однако, что здесь мы сталкиваемся не просто с проблемой локального, временного недостатка эмпирического материала, но в целом с дисбалансом между методами исследования и уровнем интереса к материалу малых и крупных языков. Такая ситуация в обозримом будущем вряд ли изменится. Если она и может измениться гипотетически, к этому времени значительной части цитируемых в книге языков уже не будет существовать. (В этом смысле особенно ценно, что в некоторых главах книги обсуждаются результаты исследований по различным малым языкам – навахо, пулар, серер – причем некоторые из этих исследований осуществлены самим автором). Тем не менее, такой двойственный подход существенно и положительно выделяет рецензируемую книгу среди исследований по данной проблематике – комбинируя когнитивно-корпусной и типологический подходы, автор последовательно проецирует теоретические инсайты о природе референции, полученные из богатого

материалом эмпирического анализа структуры дискурса, на анализ куда более бедных данных о языковом разнообразии соответствующих механизмов. Если считать референциальные механизмы универсальным когнитивно мотивированным компонентом языковой системы (такова позиция автора), такая проекция оказывается вполне оправданной. Принимая теоретические выводы из анализа данных отдельных, относительно хорошо исследованных языков типа русского или английского или даже пулар, за компоненты универсальной модели референции, автор затем применяет эти модели для описания тех языков, по которым мы едва ли имеем достаточно подробные грамматические описания. Такой подход может казаться методологически небезупречным (неясно, например, почему анализ использования независимых местоимений в английском должен быть переносим на независимые местоимения языков гур – оба языка отнесены к одному типологическому профилю), но он является единственно возможным для применения дискурсивного анализа референции к широкому эмпирическому материалу: с одной стороны, дискурсивный анализ необходим для понимания природы языковой референции, с другой, независимое обоснование такого понимания невозможно построить на данных каждого отдельного языка.

Книга имеет достаточно сложную иерархическую структуру и состоит из шестнадцати глав, сгруппированных в пять частей – вводная часть (главы 1 и 2), типология редуцированных референциальных выражений (*reduced referential devices*; главы 3–7), типология средств разрешения референциальных конфликтов (*referential aids*; главы 8 и 9), когнитивный анализ механизмов выбора референциальных средств (главы 10–14), рассмотрение референции в более широкой перспективе внеязыковых дейктических средств (глава 15) и заключение (глава 16). Части вторая, третья и четвертая для удобства снабжены собственными краткими вступлениями и заключениями.

Части 2 и 3 посвящены типологии редуцированных референциальных выражений (*reduced referential devices*; RRD) и средствам предупреждения референциального конфликта (*referential aids*; RA) соответственно. Различие между этими двумя связанными с поддержанием референции языковыми механизмами является для автора центральным. Анализ RRD описывает выбор полного (именная группа) или сокращенного (местоимение, местоименный показатель или нулевая анафора) типа номинации, причем доступность последнего определяется степенью активации соответ-

ствующего референта в сознании участников речевого акта. Указание на высокую степень активации, таким образом, оказывается основной языковой функцией прономинальных средств и нулевой анафоры. Типология RA описывает те средства, к которым прибегает язык в случае, если в дискурсе присутствуют одновременно два референта с высокой степенью активации, претендующих на использование RRD. Язык может прибегать к различным, в том числе и грамматическим, средствам для снятия или предупреждения референциального конфликта. По крайней мере для некоторых из таких средств данная функция является не основной, а сопутствующей (например, показатели рода). И во второй, и в третьей части на первый план выходит типологическая перспектива исследования референции. Различение RRD и RA не кажется нам совершенно непроблематичным в конкретных случаях; мы вернемся к нему ниже при обсуждении главы 8.

В части второй речь идет о референтах – нелокуторах (т. е. участниках, отличных от говорящего и слушающего), в первую очередь – но не исключительно – одушевленных участниках. Автор предлагает типологию, согласно которой языки мира характеризуются одним из трех возможных типологических профилей – использование независимых местоимений (3.2), использование морфологических местоименных показателей (3.3) и использование нулевой референции (3.4). Такую таксономию автор считает более удачной, чем деление языков на Pro-drop vs. Non-Pro-drop (ср. достаточно убедительную аргументацию на с. 77). При обсуждении каждого из трех типов рассматриваются демонстрируемые этими типами ареальные и генеалогические предпочтения (например, языки Юго-Восточной Азии в случае нулевой референции), их типологические корреляты (или значимое отсутствие корреляций – как, например, отсутствие в языках выборки WALS корреляции между языками, профилирующими независимые местоимения, и степенью синтетизма), а также некоторые связанные с данной проблематикой теоретические проблемы (например, статус аргументных именных групп в языках с развитой системой морфологических местоименных показателей). В связи с последней проблемой автор (со ссылкой на [Mithun 2003]) убедительно отстаивает точку зрения, согласно которой именные группы в таких языках не обязаны иметь особый «внесинтаксический» статус типа топики. Речь может идти о сдвоенной референции, при которой одна и та же дискурсивная функция выполняется параллельно именной группой и местоименным по-

казателем (то же имеем в случае репризы, выраженной клитическим местоимением). Отказ от такой интерпретации, представляющейся автору единственно возможной и прямо вытекающей из эмпирических данных, является, с его точки зрения, следствием дедуктивного, теоретического положения, согласно которому в клаузе каждому аргументу соответствует лишь одна аргументная позиция.

При этом автор подчеркивает, что каждый из рассматриваемых профилей является лишь идеализированным языковым типом, так что в качестве примеров рассматриваются лишь самые яркие представители этих типов (абхазский для второго и японский для третьего профиля).

Термин *reduced*, возможно, недостаточно эксплицитен: повторные упоминания референта могут сокращаться не только до местоименной морфемы, но и, например, до вершинного имени (*высокий человек со шрамом* → *человек*). Такие упоминания тоже естественно было бы называть сокращенными (*reduced*). Конечно, это вопрос чисто терминологический, и, раз определив, что он имеет в виду под RRD, автор вполне избегает опасности быть понятым неправильно. Тем не менее остается неясным, почему эти средства нельзя назвать, например, неименными (*non-nominal*), что было бы более прозрачно и покрывало бы как местоимения и местоименные показатели, так и нулевую референцию, при этом, кажется, не включая никаких других средств.

Важным для автора оказывается обсуждение в рамках предлагаемой им классификации статуса местоименных клитик (с. 82–89). Он настаивает на помещении местоименных клитик и свободных местоимений в один класс, указывая на то, что в литературе не проводится последовательного разделения этих двух типов и особенно на то, что многие местоимения, которые традиционно считаются независимыми, например в английском или в русском языках, при более внимательном изучении оказываются простыми клитиками (*simple clitics*; т. е., согласно определению [Zwicky 1985], клитики, являющиеся клитической реализацией самостоятельных словоформ). При этом для некоторых языков, для которых проводились соответствующие подсчеты, клитические реализации местоимений заметно преобладают над просодически самостоятельными, причем именно последние являются маркированными, требуя особых контекстных, часто прагматических (контраст) условий.

Вполне отдавая себе отчет в нечеткости границы, автор тем не менее противопоставляет независимые местоимения вкупе с местоименными клитиками связанным местоименным

показателям. В этой связи он дискутирует с Сиверской [Siewierska 2004], которая предлагает более дробную, скалярную классификацию местоименных средств, и Хаспельматом, который считает клитики, вместе с аффиксами, связанными формами (*bound forms*), в отличие от канонических словоформ, обладающих просодической самостоятельностью. Кажется, это полемическое упрощение позиции Хаспельмат, который вполне отдает себе отчет в двойственной природе клитик [Haspelmath, Sims 2010: 196]. Помещая клитики и аффиксы в один класс с точки зрения просодии, он указывает, что клитики при этом являются самостоятельными синтаксическими словами. Особенность клитик заключается как раз в том, что они по-разному группируются в зависимости от принятых оснований классификации, от перспективы анализа. А.А. Кибрик, который смотрит на местоименные показатели с позиций дискурсивного анализа, очевидно более близкого к синтаксической перспективе, защищает помещение местоименных клитик в один класс со свободными местоимениями. С нашей точки зрения, это никак не отменяет взгляд на клитики с другой, просодико-морфологической стороны (вполне уместной в цитируемом учебнике морфологии Хаспельмат) и помещение их в один класс с аффиксами. Это всего лишь вопрос выбора перспективы.

Объясняя особые формальные свойства местоименных клитик через общую тенденцию к просодической редукции активированной информации, автор далее справедливо указывает, что отнесение таких референциальных средств к независимым местоимениям или аффиксам (или придание им промежуточного статуса) требует особого исследования. Не вполне ясно, однако, почему, последовательно обсуждая функциональные (например, контрастивность) и формальные (фонетическое «опрощение») различия между двумя типами независимых местоимений – клитическими и полными, – автор несколько неожиданно делает жесткий вывод о том, что между этими типами нет существенных языковых различий (с. 85). Интуитивно кажется, что небинарный подход к классификации местоименного материала был бы полезен и для некоторых концепций, развиваемых в книге (например, диахроническая эволюция RRD, обсуждаемая в главе 7); поэтому бинарный подход требует, на наш взгляд, более подробного обоснования.

Глава 7 по сути является серией очерков о диахронии морфологических местоименных показателей в трех языковых группах – атапасских, романских и славянских языках. Для каждой из групп для обозримости данных и литературы выбран один язык, материал кото-

рого рассматривается в первую очередь – навахо, французский и русский соответственно. Дополнительно, в качестве сопоставительного (в первую очередь, для славянских языков) фона, используются данные германских языков. Автор предлагает считать, что в каждом случае – иногда для группы в целом, иногда для отдельных ее представителей – речь идет об эволюции языковых систем в сторону одного из двух полюсов шкалы «местоименности» RRD-профиля языка (*pronoun salience*) – к нулевой референции или к морфологическим местоименным показателям. (Согласно принятому в книге подходу, лично-числовые окончания в латыни или старославянском не отличаются по своей языковой природе от морфологических местоименных показателей, например, в абхазо-адыгских языках: и те и другие относятся в классификации автора к RRD.) Согласно этой модели, французский язык утратил унаследованные им от латыни морфологические местоименные (лично-числовые) показатели. Их место, однако, заняли бывшие независимые местоимения, которые прошли через стадию независимых аргументных местоимений и к настоящему моменту уже приблизились к статусу морфологических местоименных показателей (автор является сторонником противоречащего грамматической традиции, но достаточно распространенного полисинтетического анализа французской глагольной словоформы и сравнивает ее с западнокавказским глагольным комплексом). Русский язык также прошел значительный путь от старославянского состояния: в результате утраты вспомогательного глагола перфект, перешедший в современный *л-претерит*, утратил местоименную (лично-согласовательную) морфологию, в связи с чем основной груз поддержания референции перешел на местоимения, и степень их обязательности заметно возросла. Основное измерение диахронических изменений в этой главе – это смещение языка к одному из полюсов шкалы местоименности (*pronominal salience*), то есть увеличение или уменьшение использования местоименных средств в качестве RRD.

Часть 3. Типология средств предупреждения референциальных конфликтов (*referential aids*; RA). Референциальным конфликтом называется языковая ситуация, в которой на роль референта языкового выражения претендует одновременно несколько участников ситуации; средства их разрешения варьируют от достаточно тонких семантических интерпретаций контекста до высоко грамматикализованных, в том числе морфологических средств, таких, как средства переключения референции. Важно, что речь идет о средствах не разрешения

уже имеющего места референциального конфликта, а предупреждения потенциальных конфликтов. Как и в первой части, конечной целью автора является типология не самих средств (формулировка названия в этом смысле снова неточно отражает содержание, хотя первая глава части посвящена именно этой задаче), а языковых профилей, связанных с выбором тех или иных средств из типологического арсенала.

В главе 8 строится типология собственно RA. Автор различает адхоковые (связанные с прагматически возможными и невозможными интерпретациями контекста и ситуации) и конвенционализированные (лексико-семантические, или классифицирующие) средства. Конвенционализированные средства лежат в сфере грамматики и опираются на указание на класс, к которому относится референт, поэтому их также предлагается называть классифицирующими (*sorting*), причем различаются лексические и контекстные классификации (*stable vs. current sorting*). В свою очередь лексические классификации подразделяются на абсолютные и скалярные (*absolute vs. relative* – например, род, с одной стороны, и иерархия одушевленности, с другой), а контекстные – на текстовые и локальные (*broad vs. narrow domain*). В качестве локальных средств разрешения референциальных конфликтов рассматриваются такие средства, как переключение референции (*same subject /different subject marking*), логофоричность, подлежащность и маркирование топика и проч. Грамматические средства, областью определения которых является текст в целом, кажутся более редкими; в качестве примеров автор обсуждает «четвертое» лицо в навахо и противопоставление по проксимативности / обвиативности в алгонкинских языках. И в том и в другом случае в некоторый момент одному из участников описываемых событий, чаще всего одушевленному, приписывается особый статус, своего рода ярлык «главного протагониста». В дальнейшем, вне зависимости от дискурсивной дистанции, использование соответствующего маркера (четвертое лицо, обвиатив, проксиматив) указывает на «назначенного» на эту роль персонажа. В качестве независимого параметра типологического варьирования конвенционализированных средств разрешения конфликта автор рассматривает локус указания на класс референта – независимое местоимение, морфологический местоименный показатель на глаголе или другие глагольные аффиксы или сама глагольная основа.

В самом начале главы 8 автор включается в полемику относительно значимости референциальных конфликтов как языкового фено-

мена (с. 291). Согласно одной из точек зрения, референциальные конфликты периферийны и порождаются эффектом внешнего наблюдения; для носителя языка и культуры проблема правильного установления референции редко бывает по-настоящему остра. Если принять это положение, приходится сделать вывод, что исследуемые в части 3 механизмы не предназначены специально для разрешения конфликтов; кроме того, встает вопрос о границе между такими средствами и собственно RRD. Точка зрения автора промежуточна: с одной стороны, он подчеркивает, что ядром референции как языкового феномена является выбор между полной номинацией и одним из средств сокращенной номинации; с другой, проблема референциальных конфликтов все же имеет место, и, соответственно, специализированные средства их разрешения возможны (и, более того, существуют в любом языке).

Тем не менее, нельзя не заметить, что трактовка по крайней мере некоторых из обсуждаемых в этой части книги грамматических средств именно как средств разрешения референциальных конфликтов, а не особых RRD, кажется недостаточно обоснованной. Отчасти это связано с сознательной постановкой задачи: если бы рассматривались языковые средства, которые говорящий или адресат использует в ситуации действительного референциального конфликта, положения автора было бы защищать значительно проще. Но при выборе в качестве объекта анализа средств предупреждения таких конфликтов встает острая необходимость в отграничении их от тех средств, которые обсуждаются в части 2. Мы отнюдь не настаиваем здесь на ошибочности подхода или конкретных решений, выбранных в книге, – скорее, они кажутся нам недостаточно аргументированными. Пример аргументированного утверждения – наблюдение автора, согласно которому использование одного из таких средств в навахо более ожидаемо в условиях возможного референциального конфликта (с. 311); но такого рода аргументы должны приводиться для каждого из рассматриваемых в этой части книги средств по отдельности. Иначе остается неясным, почему, например, категория переключения референции является средством разрешения референциального конфликта, а не средством поддержания референции; отсутствие необходимых аргументов скорее льет воду на мельницу тех, кто отказывает данной проблеме в релевантности для построения теоретических моделей референции в человеческом языке.

Аналогичный вопрос возникает при сравнении систем типа навахо или алгонкинских проксимативов ~ обвиативов с рассматриваемыми

в части 5 указательными жестами в виртуальном пространстве нарратива. Параллель напрашивается сама собой – и в том, и в другом случае в определенной точке нарратива задается система координат (виртуальное пространство в случае жестов, дискурсивное пространство в случае языка навахо), после чего выбор референта осуществляется использованием указания на положение его в этой системе координат (использованием указательного жеста или особого грамматического показателя четвертого лица соответственно). Тем не менее системы типа навахо и алгонкинских трактуются как средства предупреждения референциального конфликта, а виртуальные индексальные жесты в нарративе считаются RRD.

Кроме того, по крайней мере для рода (согласовательного класса) в его обычном понимании функция разрешения референциальных конфликтов является вторичной по отношению к функции поддержания синтаксической связности; вопрос о том, относится ли контролируемое именными группами согласование личных (или выступающих в их роли указательных) местоимений собственно к категории рода, остается открытым. (Впрочем, автор высказывается по этому поводу довольно осторожно и, со ссылкой на [Corbett 2006], использует термин «анафорическое согласование».) Те же оговорки вызывает обсуждение в этой связи средств выражения логофоричности: при наиболее распространенном понимании этой категории ее функцией является изменение дейктической перспективы, а не разрешение референциального конфликта. Эта проблема лишь кратко затрагивается в главе 9 (ср. заключение на с. 359). Таким образом, функциональная однородность обсуждаемых в этой части грамматикализованных средств разрешения референциальных конфликтов и их отграничение от собственно RRD, если продолжать пытаться жестко разграничить эти две группы референциальных механизмов, требует, как нам кажется, дополнительного обоснования.

В следующей, 9-й, главе арсенал RA и параметры их варьирования используются для определения типологического профиля языков – того набора лингвистических средств, которые они выбирают для предупреждения референциального конфликта. Среди прочего, два раздела посвящены детальному анализу двух конкретных африканских языков – серер и пулар; оба языка имеют сложную систему именных классов, но различаются в смысле использования этой системы в качестве RA. В заключении главы (и части книги в целом) автор снова указывает на второстепенный характер RA по сравнению с RRD.

Если обсуждаемая выше вторая часть книги посвящена типологии референциальных средств указания на участника с высоким уровнем активации, характеризующихся определенными формально-функциональными особенностями (сокращенные референциальные выражения, или RRD), то четвертая часть представляет из себя когнитивно ориентированное исследование совокупности дискурсивных факторов, вносящих вклад в активацию того или иного референта. Степень активации референта отражает его статус в рабочей памяти и определяется в рамках предлагаемой модели как некая (количественная) функция от совокупности дискурсивных факторов и свойств самого референта. Кроме того, в этой части обсуждается еще одна когнитивная система, взаимодействующая с механизмами языковой референции – система в н и м а н и я (attentional system). Различие между вниманием и рабочей памятью автор формулирует следующим образом: внимание контролирует эксплицитное упоминание референта путем использования того или иного референциального выражения (в том числе и полной именной группы), а рабочая память определяет выбор референциального выражения – полной именной группы или сокращенного референциального выражения (RRD); этот выбор отчасти контролируется необходимостью избежать референциального конфликта (ср. анализ RA в части 3).

В понимании автора, когнитивный подход в лингвистическом исследовании – это попытка посмотреть на лингвистические данные через призму того, что известно о когнитивных механизмах из других дисциплин. Речь идет об исследованиях рабочей памяти, внимания и их взаимодействия (глава 10), в том числе методами квантитативного корпусного анализа (главы 11, 12, 13, раздел 2 главы 14). Когнитивные науки являются для автора по отношению к лингвистике не только донором. Описываемые в главе 13 лингвистические методы количественного анализа уровня активации референта в тексте опираются на общие, несобственно лингвистические принципы и положения анализа рабочей памяти, используемые в психологии и других когнитивных науках, но при этом вносят и свой собственный вклад в понимание и моделирование работы человеческой памяти и внимания. В этой части книги анализируются в первую очередь квантитативные данные нескольких крупных языков, по которым накоплен достаточно большой экспериментальный и корпусной материал (английский в главе 12, русский в главе 11, также японский в третьем разделе главы 14). Автор кратко затрагивает перспективу осуществления аналогичных исследований на данных других, в том числе ма-

лых языков (например, на с. 498); выше мы уже высказывали определенные опасения в связи с реалистичностью таких прогнозов.

В последней пятой части референциальные механизмы человеческой коммуникации рассматриваются в более широкой перспективе. Речь идет об указательных жестах в трех разных сферах коммуникации: собственно указательные жесты в дискурсе, их функциональные аналоги в жестовых языках, а также виртуальные указательные жесты в нарративе. Книга в целом посвящена звучащим языкам, и неголосовые средства референции обсуждаются только в этой части, состоящей из единственной главы. Акцент на дейктических жестах объясняется несколькими очевидными факторами. Во-первых, согласно некоторым концепциям языковой эволюции, указательные жесты предшествовали голосовой коммуникации (например, [Томаселло 2011]). Во-вторых, из всех средств неголосовой коммуникации именно указательные жесты наиболее тесно связаны с поддержанием референции. В-третьих, несмотря на кажущуюся однородность постановки задачи, оказывается, что три рассматриваемые типа жестикуляции существенно различаются и позволяют взглянуть на указательные жесты с разных точек зрения. В обычном дискурсе указательные жесты служат вспомогательным референциальным механизмом и связаны в первую очередь с реальным пространством и видимыми референтами. В жестовых языках аналогичные элементы являются основным средством поддержания референции, аналогичным указательным и личным местоимениям звучащего языка (ср. также дрейф указательных местоимений некоторых языков от пространственного дейксиса к анафоре). Исследования русского жестового языка позволяют автору определить его типологический профиль в терминах второй части книги и охарактеризовать его как язык с преобладанием нулевой референции. В этом смысле характеристика соответствующего инвентаря жестовых языков как указательных жестов в определенной степени условна и оправдана в первую очередь формальной аналогией с жестовым дейксисом звучащих языков. Наконец, виртуальные указательные жесты в определенном смысле занимают положение, промежуточное между обычным дискурсивным указыванием и использованием «указательных» жестов в жестовых языках. Речь идет об использовании различных указательных элементов в нарративе: рассказчик сперва как бы создает воображаемое дейктическое пространство и размещает в нем протагонистов и предметы (ср. грамматическое «распределение ролей» участников, описанное в части 3 для

навахо и алгонкинских языков), а затем осуществляет референциальный выбор указаниями на различные зоны этого воображаемого пространства. С одной стороны, такие жесты еще не перенесены из физического пространства в ментальное пространство дискурса (как элементы жестовых языков или анафорические местоимения); с другой, они уже не соответствуют никакой наблюдаемой физической реальности (как указательные жесты в обычном дискурсе), то есть отчасти «ментализованы».

Подведем итоги. Пожалуй, единственной общей претензией является то, что некоторые тезисы, сформулированные вполне ясно и прозрачно (это вообще одно из огромных общих достоинств книги: автор формулирует свои мысли исчерпывающе понятным образом), остаются, на наш взгляд, недостаточно аргументированными – сюда относится, например, неразличение с точки зрения дискурса самостоятельных местоимений и местоименных клитик (в принципе, впрочем, ответственность за доказательство наличия таких различий может быть возложена на противоположную сторону дискуссии), тезис о несогласованной природе местоименных показателей в некоторых языках (например, в сванском – раздел 3.3.3), выделение средств разрешения референциальных конфликтов как особого языкового механизма. Подчеркнем: мы не настаиваем на том, что высказанные утверждения ошибочны, они скорее представляются нам на данный момент недостаточно аргументированными, так что книга не предоставляет читателю достаточной теоретической и эмпирической базы для того, чтобы он мог в этих пунктах согласиться или не согласиться с автором. При этом рецензируемая книга является важным обобщением работ исследователей, работающих, с одной стороны, в рамках дискурсивного (в противовес логическому) и, с другой, типологического подхода к исследованию референциальных механизмов. Сам автор работает в обеих теоретических парадигмах, и рецензируемая книга является обобщающим результатом его работ по референции как с точки зрения теории дискурса, так и с точки зрения изучения языкового разнообразия. Такое совмещение двух перспектив является принципиальной позицией автора книги, вновь и вновь защищаемой в разных ее фрагментах. В работе собран богатый как типологический, так и экспериментальный (в широком понимании этого слова) материал, систематизированы данные большого количества языков разной степени исследованности, предложены базовые параметры как межязыкового варьирования конкретных средств и конструкций, так и типологические профили языков в связи с двумя основными референ-

циальными механизмами – редуцированными референциальными средствами и средствами разрешения референциальных конфликтов. Книга может стать как методологическим фундаментом для разнообразных корпусных и экспериментальных исследований референции в языках, по которым существуют обширные корпуса и доступны ресурсы для проведения экспериментов, так и руководством для полевых лингвистов – не столько в практическом отношении сбора данных (типологических анкет в собственном смысле этого слова в книге нет), сколько написанного в функционально-когнитивном русле современного теоретического пособия, помогающего понять природу механизмов референции.

Несмотря на то, что объединение под одной обложкой столь разных методов, как корпусные методы, с одной стороны, и лингвистическая типология, с другой, при современном состоянии науки (а возможно, и вообще никогда) не может привести к созданию новой вполне интегрированной области исследований – когнитивной типологии референции, к идее которой автор неоднократно возвращается на страницах своей книги, – сама идея взаимной проекции методов и результатов исследования этих столь разных ветвей лингвистического знания, как кажется, может дать мощный толчок исследованиям в каждой из них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова 1976 – *Н.Д. Арутюнова*. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М., 1976.
- Падучева 1985 – *Е.В. Падучева*. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. М., 1985.
- Томаселло 2011 – *М. Томаселло*. Истоки человеческого общения. М., 2011.
- Corbett 2006 – *G. Corbett*. Agreement. Cambridge, 2006.
- Haspelmath, Sims 2010 – *M. Haspelmath, A.D. Sims*. Understanding morphology. London, 2010.
- Mithun 2003 – *M. Mithun*. Pronouns and agreement: The information status of pronominal affixes // Transactions of the philological society. 2003. 101 (2).
- Siewierska 2004 – *A. Siewierska*. Person. Cambridge, 2004.
- Zwicky 1985 – *A. Zwicky*. Clitics and particles // Language. 1985. 61(2).

М.А. Даниэль

Сведения об авторе:

Михаил Александрович Даниэль
НИУ «Высшая школа экономики»,
МГУ им. М.В. Ломоносова
misha.daniel@gmail.com